

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ

Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе

Социетальные типологические пространства

Судьбоносный характер процессов, происшедших в последние 15–20 лет в посткоммунистических странах, признается всеми исследователями, независимо от их политических ориентаций и отношения к существу перемен. Общеизвестно, что эти общества переживают подлинное *социальное перерождение*. Однако по вопросу о том, в каком *социетальном пространстве* протекают рассматриваемые процессы и из каких в какие типы переходят исследуемые общества, единого научного представления нет. Основная масса исследований посвящается переменам в отдельных сферах общественной жизни (например, в области освоения новых политических институтов, преобразования экономических отношений, изменения социальной структуры и др.). Используемые в этих исследованиях признаковые пространства не дают обобщенного представления о *главном направлении* перемен, а значит, и об их социальной сущности.

Мне кажется справедливым утверждение А. Глинчиковой о том, что "Россия вышла сегодня на тот рубеж, когда она особо нуждается в социальном, экономическом и политическом ориентировании. Она напоминает собою путника, который шел в определенном направлении и вдруг оказался в совершенно незнакомой местности – и теперь ему нужно определить, как отличить движение вперед от движения назад, вбок, в сторону, по кругу. *Поиск критериев движения вперед, поиск новых социальных координат необыкновенно важен для России. Будут найдены эти критерии – можно будет восстановить процесс поступательного развития страны, не будут найдены эти критерии – страна станет топтаться на месте, возвращаться вспять, разрушаться* (курсив мой. – Т.З.)" [Глинчикова, 2001, с. 36].

Научные представления о пространстве посткоммунистических процессов формируются как дедуктивным, так и индуктивным путем. Сторонники первого подхода обращаются к ранее разработанным типологиям человеческих обществ. Это облегчает включение новых исследований в сложившуюся научную традицию, позволяет использовать развитый научный язык, облегчает формирование новых понятий. Однако применение методологии, взятой с "чужого плеча", чревато неадекватной интерпретацией результатов. Индуктивный подход, отталкивающийся от реальности изучаемых обществ, меньше подвержен этой опасности. Он опирается на конкретное

Заславская Татьяна Ивановна – академик РАН, декан факультета "Московская школа социальных и экономических наук" Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, сопредседатель Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра).

исследование происходящих перемен, направления которых в дальнейшем обобщаются и сводятся к ряду принципиальных характеристик, формирующих новые типологические пространства. Такой подход позволяет точнее оценивать направления происходящих сдвигов, но связанная с ним трудность состоит в вынужденном отказе от использования ранее созданных теорий и необходимости разработки новых методологических подходов.

Исследователи посткоммунистических трансформаций вначале обратились к хорошо известным, проверенным парадигмам, прежде всего к тем, которые связаны с теорией общественно-экономических формаций и теориями модернизации [Корнаи, 1999; Рывкина, Косалс, 1998; Вишневский, 1998; Наумова, 1999; Попова, Кунявский, 1997; Ядов, 2000; Модернизационный... 2001]. Однако с течением времени стало выясняться, что для изучения нового, ранее не встречавшегося в истории типа социетальных процессов названные парадигмы непригодны [Медведев, 1999; Глинчикова, 2001; Заславская, 2004; Модернизационный... 2001]. Не говоря об общей сомнительности понятий "*коммунистическая формация* и ее первая ступень – *социализм*", системы советского типа в действительности не имели ничего общего с социализмом ни в одном из его пониманий. На мой взгляд, советское общество представляло собой специфический вариант социально особого жесткого, на определенном этапе – тоталитарного государственного капитализма, а посткоммунистические процессы протекают в рамках единой доминирующей в современном мире капиталистической формации. Они не вписываются в теорию общественно-экономических формаций, и любые попытки насильственно их туда затолкать приводят к неразрешимым противоречиям (подробно данная точка зрения аргументирована в [Заславская, 2004]).

Априорная оценка в терминах теории модернизации также не отражает реального содержания идущих процессов. Разумеется, нельзя отрицать, что в результате распада мировой социалистической системы принадлежавшие к ней общества оказались в ситуации жесткого модернизационного вызова. Но должное не надо путать с сущим. На практике трансформация значительной части рассматриваемых обществ приняла демодернизационную форму. Так что *презумпция* модернизационной направленности исследуемых процессов не имеет под собой оснований.

По мере того, как несоответствие реального содержания посткоммунистических трансформаций положениям классических социальных теорий становилось более очевидным, контрверсии "*социализм–капитализм*" или "*традиционное–современное–постсовременное общество*" стали уступать место более конкретным понятиям. Наибольшую популярность завоевала формула *перехода* рассматриваемых обществ *от плановой экономики – к рыночной и от авторитаризма (тоталитаризма) – к демократии*. Однако и эти формулы недостаточно точны. Говорить о тоталитаризме в СССР и странах Восточной Европы можно лишь применительно к сталинскому периоду¹, движение части этих государств к демократии носит очень противоречивый характер. Неоднозначно обстоит дело и с переходом к рынку. Хотя в целом движение большинства посткоммунистических обществ в этом направлении не вызывает сомнения, социальное качество возникших здесь рынков, а соответственно, и их влияние на развитие обществ оказались совершенно различным. Если в одних странах рыночные отношения базируются на конкуренции независимых агентств, регулируемой четкими правовыми нормами, то в других они связаны с монопольным использованием полити-

¹ Польский ученый А. Валицкий следующим образом определяет разницу между тоталитаризмом и авторитаризмом: «*Авторитаризм* ограничивает сферы своего влияния, удовлетворяется внешним подчинением, не стремится к созданию "нового человека", соглашается с формулой, позволяющей делать все, что не запрещено; *тоталитаризм* же запрещает все, на что нет специального разрешения» (цит. по [Дискуссии... 2000, с. 117]). Если принять это определение, то режим Л. Брежнева нужно признать разлагающимся авторитаризмом, а современную Россию – демократией, постепенно принимающей более авторитарный характер.

ческих, административных и социальных капиталов, что формирует иную общественную систему. В частности, так обстоит дело в России. По данным сравнительных исследований ООН, она занимает второе место в мире по распространению коррупции, представляющей противоположность рыночных отношений. Таким образом, общепринятое представление о том, что главным вектором современного развития России является "переход к рынку", требует определенной коррекции.

Посткоммунистические трансформационные процессы не только сложны, но и многообразны. Они не имеют ничего общего с однонаправленным переходом социальных субъектов *"из пункта А в пункт Б"*. Природа этих процессов ближе к перемещению в малоизвестной местности, зависящему от многих непредсказуемых факторов. Поэтому прогнозирование их конечных результатов затруднено, и главная задача исследователей состоит в возможно более точном отслеживании *реального перемещения* обществ в социетальном пространстве. Для решения этой задачи важно найти и использовать *такую систему координат, оси которой отражали бы главные направления происходящих трансформаций*.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что категория признакового или типологического *пространства* носит аналитический, *инструментальный* характер. По существу, любое социальное исследование "вписывается" в определенное признаковое пространство, которое либо выбирается исследователем из числа "готовых", либо конструируется на основе его представлений об исследуемых процессах и задачах их нарушения. Множественность используемых социологами признаковых пространств соответствует крайней сложности как самих современных обществ, так и переживаемых ими трансформаций.

Категория *типологическое пространство* применяется для сравнения и классификации самых разных социальных объектов. Особенность *социетальных* типологических пространств заключается в том, что в качестве координатных осей здесь выступают социальные качества (характеристики) целостных обществ или государств. Конструирование таких пространств позволяет сравнивать как состояния отдельных обществ в разные периоды времени, так и синхронные состояния разных обществ. Посткоммунистические трансформационные процессы интереснее и эффективнее всего изучать именно в подобных пространствах.

Социетальные типологические пространства можно с некоторой долей условности разделить на замкнутые и открытые. Примерами замкнутых могут служить, например, совокупности общественно-экономических формаций; группировка стран по их принадлежности к первому, второму или третьему "миру"; разделение обществ, находящихся на разных уровнях модернизации, на традиционные, современные и постсовременные. Использование таких типологий порождает представление о возможности и естественности однонаправленного перехода обществ из одних *известных состояний* в другие, столь же известные качественные состояния. При этом не остается места для обществ, принадлежащих к каким-то иным, особым, в том числе впервые возникающим, типам.

Открытые социетальные пространства отличаются от закрытых в нескольких отношениях. Во-первых, в них отсутствуют заранее установленные границы между разными типологическими областями. Во-вторых, они обеспечивают возможность такого выбора координатных осей пространства, при котором они максимально приближались бы к направлениям происходящих общественных трансформаций. В-третьих, открытость таких пространств автоматически снимает "вето" на обнаружение обществ, относящихся к особым, маргинальным типам. Открытое социетальное пространство – это всего лишь инструмент исследования. Оно не формирует заранее заданных типов обществ, а в лучшем случае позволяет распознавать и изучать эти типы (подробнее см. [Заславская, 2004, с. 82–95]). Это особенно важно для малоизученных, переходных, становящихся обществ, включая российское. Сказанное позволяет сделать вывод, что наиболее адекватным средством исследования посткоммунистических трансформаций является конструирование не замкнутых, а открытых социетальных пространств.

Пространство посткоммунистических трансформаций

Многообразие используемых исследователями социетальных признаков пространств вполне естественно, так как они служат разным научным целям. Важно только, чтобы каждое из них отвечало общенаучным требованиям *необходимости* и *достаточности* выделяемых координатных осей для представления *социального содержания* процесса.

В ряде последних работ я попыталась исследовать процесс трансформации российского общества в пространстве, образуемом *тремя социетальными характеристиками*: эффективностью институциональной системы, качеством социально-групповой структуры и уровнем человеческого потенциала. Представляется, что сочетание этих трех измерений (или координат данного типологического пространства) обеспечивает комплексную характеристику общества как целостного социетального объекта. Такой подход позволяет объединять сходные общества в типы, противопоставляемые другим типам обществ. Траектория же, пройденная в этом пространстве за определенный период времени, фиксирует направление качественной трансформации общества и показывает, изменило ли оно свою природу или сохранило прежние типологические черты [Заславская, 2002; 2004].

Выделение названной выше *триады координатных осей* базируется на следующей логике. В результате распада мировой социалистической системы перед всеми ее членами встала сходная экзистенциальная задача: выжить в принципиально новых условиях, прочно встать на ноги, войти в мировую систему в качестве самостоятельных мегаагентов, обеспечить конкурентоспособность экономики, а также национальную безопасность. Главное содержание вытекающего из этих задач вектора развития составляет *сохранение и укрепление жизнеспособности общества* в динамичном глобализирующемся мире. И хотя каждая страна решала и решает эту задачу, исходя из своих возможностей, ресурсов, традиций и предостережений, относительная общность *исходного пункта* и *целевого вектора* развития позволяет рассматривать посткоммунистические трансформационные процессы как относительно целостный феномен.

Сохранение и укрепление жизнеспособности современных государств достигается, во-первых, совершенствованием их общественного устройства, во-вторых, повышением национального человеческого потенциала. Подавляющее большинство исследований посткоммунистических трансформаций посвящено анализу сдвигов, так или иначе отражающих изменение именно этих характеристик².

Тип общественного устройства – важнейшее качество системы "нация–государство". Это устройство имеет две проекции: институциональную и социально-групповую. Институциональная и социально-групповая структуры представляют тесно связанные, но качественно разные стороны общественного устройства. Если *институциональная* структура, согласно распространённому пониманию, отражает *систему правил игры*, регулирующих жизнедеятельность социальных акторов, то *социально-групповую* структуру можно сравнить со способом *организации команды*, или распределением ролей и статусов между разными типами акторов, взаимодействие которых обеспечивает функционирование общества. В большинстве случаев социальные акторы вынуждены играть по правилам, нарушение которых наказывается. Однако институциональные нормы ограничивают их свободу и нередко противоречат их интересам. Поэтому, когда у акторов возникает возможность действовать вопреки невыгодным правилам, они нередко ее используют. При этом это происходит тем чаще, чем менее ясны и системны

² Одной из наиболее полных и разносторонних подборок материалов по рассматриваемым вопросам являются десять опубликованных к настоящему времени сборников трудов международного междисциплинарного симпозиума "Куда идет Россия?.." (М., 1994–2003), ежегодно проводимого Московской высшей школой социальных и экономических наук с участием широкого круга высококвалифицированных социологов, экономистов, политологов, правоведов, культурологов и специалистов иного профиля (с 2004 г. симпозиум и, соответственно, сборник переименован в "Пути России").

правила, чем слабее они контролируются и чем более дифференцировано распределение ресурсов между элементами социально-групповой структуры. Легко видеть, что для трансформирующихся обществ эти качества весьма характерны.

Эффективность институциональной системы. Совокупность базовых институтов – своего рода скелет общественного устройства. Поэтому институциональное направление экономических, социологических и политологических исследований в последние годы получило широкое развитие. По определению Д. Норта, общественные институты – это, во-первых, правила и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми, и, во-вторых, механизмы, обеспечивающие выполнение правил. Иными словами, институты – это "созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми" [Норт, 1993, с. 73]. Особенность социологической трактовки институтов состоит в концентрации основного внимания на организации системы социальных ролей и статусов.

Система действующих в обществе институтов выполняет важные социальные функции. *Стабилизирующая* функция состоит в стимулировании устойчивого, сбалансированного и эффективного функционирования всех сфер общества путем направления деятельности индивидов, организаций и групп в русло общенациональных интересов. *Адаптационная* функция выражается в повышении способности общества конструктивно и своевременно отвечать на глобальные вызовы миросистемы, изменение геополитических и экономических условий, природные и социальные катаклизмы. *Инновационная* функция проявляется в создании благоприятных условий для общественно полезной инновационной деятельности, в том числе через осуществление требуемых реформ, при одновременном создании заслонов непродуманным, авантюристическим и своекорыстным действиям социальных акторов. Наконец, *интеграционная* функция общественных институтов заключается в социализации молодых поколений, обеспечивающей непрерывность исторического развития, а также в содействии культурной интеграции социальных слоев, этнических и конфессиональных групп. В целом система общественных институтов ответственна за *доминирование эффективных* (или хотя бы социально приемлемых) *форм активности социальных акторов*.

Качество социально-групповой структуры. Главная функция этой структуры состоит в таком распределении и перераспределении социальных ролей и статусов между акторами, располагающими разными общественно значимыми ресурсами, которое в конечном счете способствует росту эффективности их общей деятельности. В идеале социально-групповая структура общества призвана обеспечивать: а) относительное равенство жизненных шансов или возможностей граждан реализовать свои способности и личные ресурсы; б) меритократический принцип распределения доходов, материальных и социальных благ, в основе которого лежит поощрение более сложных, ответственных и эффективных видов деятельности; в) относительную свободу выбора личных траекторий социальной мобильности, свидетельством которой служит достаточная интенсивность профессиональных, должностных и территориальных перемещений, особенно восходящей мобильности представителей нижних и средних слоев; г) достаточную самостоятельность акторов в выборе способов выполнения своих социальных ролей и реализации творческих замыслов (во всяком случае, в достаточно сложных областях деятельности).

Обладающая такими качествами социальная структура потенциально содействует рациональному распределению ролей и статусов между индивидами и группами, а также более эффективному выполнению сложных и общественно значимых ролей. Восприятие большинством граждан социальной структуры как справедливой и *легитимной* содействует культурной интеграции общества, развитию социальной терпимости, партнерских отношений между группами и слоями и устойчивости социально-политической системы.

Человеческий потенциал общества³. Здесь я имею в виду целостную характеристику, отражающую важнейший фактор жизнеспособности общества, а именно, *готовность и способность национальной общности к активному саморазвитию*, своевременному и адекватному ответу на множественные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими обществами.

Человеческий потенциал системно дополняет структурные характеристики общественного устройства. Если характер общественных институтов определяет действующие *"правила игры"*, а социально-групповая структура – принципы *"организации команды"*, то человеческий потенциал общества в рамках той же метафоры отражает личные и профессиональные качества и *сыгранность игроков*, их коллективный дух и волю к победе. Этот социетальный индикатор отражает социально значимые качества составляющих данное общество граждан. Наиболее важны в этом контексте их демографическая структура; здоровье, долголетие и жизненная активность; уровень образования, квалификации и культуры; структура ценностей, потребностей, интересов; характер правового сознания, уровень нравственности и морали, особенности национального характера. Уровень человеческого потенциала во многом определяет положение разных стран в мировом сообществе⁴. Среди факторов, оказывающих наибольшее влияние на уровень и динамику человеческого потенциала, надо отметить особенности национальной культуры, типы преобладающих технологий, степень интеллектуализации труда, уровень развития науки и образования, качество жизни граждан, богатство и насыщенность их образа жизни.

Соотношение и связи осей трансформационного пространства

Важной характеристикой типологического пространства как инструмента изучения социальных процессов служит степень взаимосвязи координатных осей. В общественной жизни нелегко найти не зависимые друг от друга явления и процессы. Если же речь идет о типологических пространствах, предназначенных для изучения конкретных классов процессов, то взаимосвязь их измерений практически неизбежна. Важно лишь, чтобы они не дублировали друг друга. В каком же соотношении находятся характеристики, положенные в основу координатных осей конструируемого пространства посткоммунистических трансформаций? Начну со связи между институциональной и социально-групповой проекциями общественного устройства.

Одна из главных функций институциональной структуры – *формирование* социальных ролей и статусов, обеспечивающих функционирование общества. Отсюда иногда делается вывод, что функции социально-групповой структуры состоят, главным образом, в *упорядочении* созданных без ее участия ролей и статусов. Согласно такому взгляду, понятие *социально-групповая структура* является производным от *институциональной структуры* общества и, по сути, не имеет собственного, отличного от нее содержания. Но это – абберрация научного зрения. Она возникает в связи с тем, что *одинаковые термины* – "социальная роль" и "социальный статус" при использовании их в институциональном и социоструктурном контекстах приобретают неодинаковый смысл, то есть выражают *разные понятия*.

Действительно, внутреннее структурирование и функционирование каждого социального института обеспечиваются совокупностью соответствующих *ролей и статусов*. Но при этом ни один, даже наиболее важный, институт не формирует ни целостной системы выполняемых каждым социальным субъектом *ролей*, ни *статуса*, опре-

³ В научной литературе этот феномен выступает под разными именами, в частности его называют потенциалом развития, жизненным, человеческим, динамическим, культурным или интеллектуальным потенциалом.

⁴ Не случайно исследованием дифференциации и динамики этого индикатора занимаются специализированные институты, в том числе под эгидой ООН (см., например, [Доклад... 1999; Доклад... 2003]).

деляющего место субъекта в общественной иерархии. Социальный статус каждого индивида базируется на системе ролей, выполняемых им в рамках *всех* базовых институтов общества. Между тем связи и взаимодействия разных социальных институтов друг с другом пока еще изучены слабо, они в значительной мере – *terra incognita*. Поэтому системы ролей и статусов, структурирующих, с одной стороны, конкретные *институты*, а с другой – *общество* как общность социетального уровня, следует рассматривать как относительно самостоятельные общественные феномены.

В контексте трансформационных реформ институциональная система общества играет роль "*ведущей*", а социально-групповая структура – "*ведомой*". Первая из этих структур представлена совокупностью принятых в данном обществе социально-правовых норм и правил. Она расположена ближе к поверхности жизни, более прозрачна и доступна внешнему управлению, чем вторая. Однако, вопреки распространенному мнению, совершенствование общественных институтов является не главной, конечной *целью* реформ, а в первую очередь – *инструментом* достижения более фундаментальных целей, заключающихся в совершенствовании *социально-групповой структуры* и росте *человеческого потенциала общества*. Не случайно большинство граждан оценивают результаты реформ не по введению новых законов и норм, а по тем изменениям, которые эти нормы вносят в условия их жизни. Успех государственной политики люди видят в преодолении нищеты и бедности, сглаживании социальных неравенств, расширении социальных прав, свобод и гарантий, преодолении коррупции, укреплении правосудия, росте личной безопасности. То есть прежде всего в совершенствовании *социально-групповой структуры общества*, каждое заметное изменение которой непосредственно сказывается на положении многих классов, слоев и групп.

Изменения общественного устройства посткоммунистических стран по своим масштабам, глубине и последствиям сравнимы с тектоническими событиями, в результате которых никто и ничто не остается в прежнем положении, – изменяется весь ландшафт. В процессе российских реформ одни социальные группы вознеслись вверх социальной лестницы, другие с трудом удержались на прежних ступеньках, третьи были вынуждены спуститься ниже, четвертые попали на социальное дно. Таким образом, институциональные реформы, непосредственно направленные на изменение правил взаимодействия социальных акторов, имеют под собой социальную базу, суть которой – борьба интересов разных элементов социально-групповой структуры – кланов, классов и групп, занимающих разное положение в обществе и стремящихся повысить или хотя бы сохранить свой социальный статус.

В принципе власть может воздействовать на социально-групповую структуру общества не только через реформирование институтов, но и "напрямую" – путем крупномасштабного и нелегитимного государственного насилия, открытого попрания норм права, морали и этики. Российская, и особенно советская, история богата примерами прямого вмешательства государства в эволюцию социальной структуры общества ценой игнорирования прав человека, включая главное право – на жизнь. Так, в начале 1920-х гг. миллионы представителей бывших "эксплуататорских классов" – дворян, помещиков, капиталистов, купцов, священнослужителей и др. – были лишены гражданских прав и поставлены на грань вымирания. Затем последовали насильственная коллективизация крестьянских хозяйств, кампания "ликвидации кулачества как класса", нелегитимное выселение "непокорных" этносов. Апогеем такого рода действий стало создание ГУЛАГа как машины, быстро и "эффективно" перемалывавшей нежелательные элементы социальной структуры в "лагерную пыль". Осуществление этих мер означало физическое уничтожение десятков миллионов граждан, как правило, наиболее образованных, самостоятельных и активных⁵. Длительное использование нелегитимных реп-

⁵ Стоит отметить, что действия, начинавшиеся с прямого вмешательства власти в формирование социально-групповой структуры общества, с течением времени "обрастали" новыми институтами, создаваемыми для их поддержки (ЧК–ГПУ, НКВД, МГБ, ГУЛАГ и др.).

рессивных и административных методов "совершенствования" социально-групповой структуры нанесло непоправимый ущерб человеческому потенциалу страны и стало одной из главных причин переживаемого ею перманентного кризиса.

Поскольку открыто и легитимно воздействовать на социально-групповую структуру общества власть может только через изменение правил игры, непосредственным объектом общественных реформ служат обычно институты. С одной стороны, они более прозрачны и управляемы, а с другой – их серьезное изменение способно оказывать существенное воздействие на социально-групповую структуру. Однако связь институциональных преобразований с социоструктурными сдвигами достаточно сложна. Дело в том, что социально-групповая структура общества обладает намного большей инерцией, чем институциональная. Хотя происходящие в ней сдвиги, в принципе, следуют за изменением институтов, но это происходит далеко не сразу, часто растягиваясь на десятилетия. Кроме того, реальное воздействие институциональных реформ на социально-групповое строение общества чаще всего существенно отклоняется от того, на что рассчитывали реформаторы. Таким образом, связь между рассматриваемыми проекциями общественного устройства проявляется в основном как *тенденция*, применительно к достаточно крупным общностям и длительным периодам времени. Причем уровень современной науки об обществе не достаточен для того, чтобы целенаправленно совершенствовать социально-групповую структуру общества, не вызывая серьезных социальных конфликтов и других негативных последствий. Не случайно в большинстве современных обществ изменение этой структуры происходит преимущественно стихийно.

Уровень человеческого потенциала имеет иную природу, чем структурные свойства обществ. Этот индикатор системно характеризует качество национальных общностей социальных субъектов с точки зрения их способности к эффективному саморазвитию и успешной конкуренции в рамках мирового сообщества. Если структурная динамика по-разному влияет на положение разных групп и слоев, то рост человеческого потенциала общества на основе укрепления физического и духовного здоровья, роста образования и квалификации *граждан*, повышения качества их жизни, интеграции социальных, национальных, культурных и конфессиональных общностей, отвечает *общенациональным интересам*. Названные соображения позволяют рассматривать рост человеческого потенциала как наиболее фундаментальный, стратегический, *терминальный итог* как целевых социетальных реформ, так и стихийной трансформации общества.

Человеческий потенциал существенно зависит от обеих проекций общественного устройства. Институциональная структура определяет социально-правовые условия его воспроизводства и использования. Речь идет прежде всего об обеспечиваемом ею уровне развития, эффективности и доступности услуг здравоохранения, образования, культуры, перспективных рабочих мест и т.д. Социально-групповая структура отражает неравенство распределения экономических, политических, социальных и культурных ресурсов между общественными слоями, группами и типами социальных акторов. Тем самым она дифференцирует возможности реализации их деятельностного и творческого потенциала. Общая закономерность заключается в том, что чем сильнее поляризовано общество, тем большая часть его человеческого потенциала остается нереализованной и пропадает втуне.

Человеческий потенциал закреплен в таких физических и духовных качествах граждан, значительная часть которых зависит от генофонда страны, условий социализации новых поколений и особенностей национальной культуры. Характер менталитета, структура ценностей, типы личности сравнительно слабо изменяются на протяжении жизни людей и в значительной мере передаются от поколения к поколению. Поэтому человеческий потенциал – самая инерционная из социетальных характеристик общества.

Для того чтобы совершенствование структурных характеристик общества привело к росту человеческого потенциала, требуются не только значительные усилия, но и

достаточно долгое время. Обратное же влияние этого потенциала на названные характеристики реализуется стихийно, повсеместно и повседневно, хотим мы этого или нет. Особенности национального менталитета оказывают огромное влияние и на качество устанавливаемых реформаторами и чиновниками правил игры, и на выполнение этих правил массовыми группами граждан. Именно поэтому транслируемые с Запада либерально-демократические институты в России не приживаются и "мутируют", нередко превращаясь в свою противоположность, что ставит эффективность реформ под большое сомнение [Капелюшников, 2001]. Нормы и правила, великолепно работающие в развитых демократических странах, часто оказываются неспособны регулировать поведение россиян, следующих иным традициям, целям и ценностям.

Одним из свидетельств обратного влияния человеческого фактора на динамику социально-групповой структуры России могут служить национальные особенности приватизации государственной собственности, равно как ее дальнейшего передела между старыми и новыми владельцами. Бандитский характер этим процессам придало не столько несовершенство новых правил игры (хотя и оно было во многом обусловлено российским менталитетом), сколько принадлежность большинства их участников к неправовой, полукриминальной экономической культуре.

Российское общество в настоящее время социально поляризовано и культурно дезинтегрировано. Его верхние и нижние слои настолько резко различаются уровнем и качеством жизни, а соответственно, интересами и потребностями, что образуют как бы два разных мира. Наряду с этим в стране сосуществуют много этнических, культурных и конфессиональных групп, идейно противостоящих друг другу. И то и другое существенно затрудняет функционирование общества как единого организма, задерживает и осложняет его развитие. Поэтому проблема расширенного воспроизводства и эффективной реализации человеческого потенциала для России особенно актуальна.

Каково же конкретное содержание категории "человеческий потенциал общества"? Из каких компонентов он складывается? Какова методика его измерения?

Содержание и компоненты человеческого потенциала

Необходимость исследования сущности, структуры и тенденций развития человеческого потенциала разных обществ осознана довольно давно, достаточно вспомнить материалы Римского клуба начала 1970-х гг. Однако широкое изучение этого феномена лишь начинается. По мнению ученых, в современной науке термин *человеческий потенциал* обозначает "скорее программно заданный объект анализа и практических усилий, чем объект научного изучения и научно обоснованных оценок" [Генисаретский, Носов, Юдин, 1999, с. 2]. Большинство авторов, исследующих этот феномен, ограничиваются либо перечнем его элементов, либо обоснованием методологических подходов, с помощью которых его следует изучать. Согласно яркому определению А. Вишневского, данному в его рукописи "Человеческий потенциал" (1999), "человеческий потенциал страны – это *совокупность физических и духовных сил граждан*, которые могут быть использованы для достижения индивидуальных и общественных целей – как инструментальных, так и экзистенциальных, включая расширение самих потенций человека и возможность его самореализации"⁶. Соображения, высказываемые разными исследователями о сущности и особенностях человеческого потенциала, можно подытожить следующим образом.

Представление об этом потенциале *сомасштабно*, в первую очередь, *государству-нации*. Оно не применимо ни к индивиду, ни к малой группе, но вполне осмысленно по отношению к "большим" социальным системам [Генисаретский, Носов, Юдин, 1999, с. 4] – странам, народам, государствам, сословиям или классам, крупным регионам или

⁶ Человеческий потенциал, представляющий собой широкое социальное понятие, не следует путать с понятием *человеческий капитал*, имеющим чисто экономический смысл.

мегаполисам⁷. "Понятие человеческий потенциал концентрирует внимание не на достигнутом уровне развития общества, а в первую очередь на присущем ему внутреннем *динамизме, способности к саморазвитию*, усилению своей роли в мировом сообществе. Тем самым, центр тяжести переносится с оценки фактически реализовавшейся ситуации на вероятность ее изменения... Человеческий потенциал – это проблема перспективы, оценки возможностей человеческого развития и управления" [Солнцева, Смолян, 1999, с. 69].

Человеческий потенциал крупной социальной общности *не является суммой потенциалов* или реальных возможностей отдельных личностей. Это не интеграция личностных потенциалов, а некоторая другая сущность, которая значительно меньше зависит от психологических и индивидуально-личностных факторов. Этот феномен *социален* и по происхождению, и по проявлениям [Солнцева, Смолян, 1999, с. 69]. Наконец, человеческий потенциал неразрывно и двусторонне *связан с деятельностью*, которая, с одной стороны, лежит в основе его *формирования*, а с другой – служит формой его *реализации*⁸.

С учетом этих соображений рассматриваемое понятие представляет собой *интегральную характеристику жизнеспособности общества* (страны, государства) *как субъекта собственного воспроизводства, развития и взаимодействия с другими обществами*.

Понятие человеческий потенциал употребляется в абсолютном и относительном смыслах. В первом случае оно характеризует *абсолютную мощь национально-страновых общностей* с учетом их численности. Согласно второму смыслу, это понятие отражает *уровень цивилизационного развития таких общностей*, или свойственное им *социальное качество*. Оба показателя по-своему важны, но если абсолютный потенциал отражает латентную силу и влияние страны на мировые процессы, то относительный – оценивает, скорее, ее динамизм, современность, способность к ускоренному развитию. Поскольку решающее влияние на выживание и устойчивое развитие современных обществ оказывает качественная сторона данного феномена, основное внимание исследователей сосредоточивается именно на ней.

Чтобы оперативно использовать понятие человеческий потенциал для оценки уровня развития и динамики разных обществ, нужно выделить его главные компоненты. Имеющаяся литература содержит довольно расплывчатые представления о структуре человеческого потенциала⁹. В понимании разных ученых состав компонентов этого понятия различен, хотя его *смысловое ядро* является сходным. Это позволяет составить достаточно полное представление о структуре данного феномена, сведя ее к четырем взаимосвязанным, но относительно самостоятельным элементам. Назовем эти элементы социально-демографическим, социально-экономическим, социокультурным и деятельностным потенциалами общества, имея в виду, что речь в данном случае идет о *компонентах человеческого потенциала*.

Социально-демографический потенциал общества определяется структурой населения по поколениям и гендерам, средней продолжительностью жизни мужчин и женщин, соотношением рождений и смертей, браков и разводов, долей одиночек, а также внебрачных, безнадзорных, лишенных родительского воспитания детей, качеством

⁷ В этом состоит одно из важных отличий *человеческого потенциала* от интенсивно развиваемого в настоящее время понятия *социальный капитал*. Социальным капиталом могут обладать как крупные общности, так и малые группы, семьи, индивиды.

⁸ По мнению В. Келле, в процессе формирования человеческого потенциала создаются условия, предпосылки, основания, на которых *"произрастает"* человек с его способностями к действию. Здесь движение идет от общества, его компонентов – к человеку. Когда же возникает проблема *реализации* человеческого потенциала, движение идет в обратном направлении – от человека к обществу. Акцент делается не на анализе условий, а на человеческой активности, самовыражении человека, проявлении его способностей, уровня его знаний и умений, культуре, психологии, личностных качествах [Келле, 1999].

⁹ Конкретный разбор имеющихся позиций по этому вопросу дан в [Заславская, 2004].

национального генофонда. Важные элементы этого потенциала – состояние физического и психического здоровья, уровень и качество образования граждан.

*Социально-экономический компонент человеческого потенциала*¹⁰ отражает уровень квалификации и профессионализма экономически активных граждан, востребованность обществом их труда, уровень и структуру занятости, степень реализации их трудовых, деловых и интеллектуальных ресурсов. Другой составляющей этого компонента служит уровень запросов граждан в отношении прав и свобод, степени социальной защищенности, шансов на жизненный успех и т.д., а также их потребностей и платежеспособного спроса на материальные и социальные блага.

Социокультурный аспект человеческого потенциала характеризует социально значимые особенности менталитета граждан, связанные с процессом социализации в разных национальных, конфессиональных и социальных общностях и характером последующей деятельности. Речь идет о типах нормативно-ценностного сознания, особенностях убеждений и верований, уважении к закону и праву, уровне морали и нравственности, структуре мотивационных комплексов и типов поведения. С точки зрения жизнеспособности общества особенно важно преобладание ценностей самостоятельности и независимости или покоя и защищенности; личной ответственности *или* патернализма; личного *или* коллективного, корпоративного успеха. Наряду с личностными характеристиками социальных субъектов, большое значение имеет степень готовности и способности разных групп и слоев к взаимодействию для достижения общих целей или, напротив, их идейная разобщенность.

Деятельностный потенциал общества выражается в уровне деловых качеств социальных акторов, их энергии, предприимчивости, инициативы. Он проявляется в соотношении инновационных и традиционных форм мышления, действий и других форм активности, а также в объективных возможностях граждан реализовывать свои социальные и творческие потенции, вести активную, полноценную жизнь¹¹. Внешними индикаторами этого потенциала служат масштабы предпринимательской и другой социально-инновационной активности населения, развитость "третьего сектора", венчурных производств, гражданских структур. Для обществ с высоким деятельностным потенциалом характерны разнообразие и популярность форм повышения квалификации, дополнительного или пожизненного образования, изучения иностранных языков, а также распространение наукоемких информационных и интеллектуальных технологий. Следует отметить, что в общей структуре человеческого потенциала страны деятельностный компонент играет особую роль. Испытывая на себе существенное влияние демографического, социально-экономического и социокультурного потенциалов, он служит *решающим фактором их реализации*, а значит, и *укрепления жизнеспособности общества*.

Есть основание полагать, что общий уровень человеческого потенциала, выражающего место каждой страны в мировом сообществе, определяется не "суммой", а скорее "*произведением*" его компонентов. Это связано с тем, что заметное отставание каждого из формирующих его компонентов существенно снижает жизнеспособность общества. Между тем, как показывает международный опыт, уровни разных компонентов человеческого потенциала отдельных стран могут существенно расходиться, причем здесь проявляются даже известные закономерности. Например, высокий демографический потенциал, связанный с преобладанием молодых поколений и высокой рождаемостью,

¹⁰ Не следует путать его с *общим социально-экономическим потенциалом* России, включающим оценку природных ресурсов, уровня развития производства и т.д.

¹¹ Как отмечает Н. Лапин, «в противовес представлениям о прогрессе как движении к некоторому конечному результату, находящемуся вне самого процесса движения... в новейших теориях прогресс трактуется как потенциальная способность субъекта, а не как конечное достижение. Конкретнее – как способность свободного субъекта выходить за собственные пределы, прорываться через сдерживающие трудности, "переступать границу", то есть способность к самотрансцендентности» [Лапин, 2000, с. 22–23]. Думается, что деятельностный потенциал общества отражает именно эту способность.

часто сочетается со сравнительно низким уровнем социально-экономического и социокультурного потенциалов. Однако внутренняя связь компонентов человеческого потенциала обуславливает тенденцию к постепенному выравниванию их уровня, чаще – на базе равнения на узкое звено.

Из этого следуют два вывода. Во-первых, социальная политика государства должна ориентироваться не на отдельные тактические, а на стратегические общенациональные цели, достижение которых требует значительного времени, но определяет будущее страны. В России главной целью такой политики несомненно является преодоление тенденции к *снижению человеческого потенциала, а значит, и жизнеспособности общества*. Во-вторых, для достижения этой цели социальная политика должна содействовать развитию не отдельных компонентов потенциала, представляющихся в силу каких-то причин "ключевыми", а на сбалансированное повышение всех компонентов человеческого потенциала России.

(Окончание следует)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин Б.Г.* Концепция человеческого потенциала: основные положения // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М., 1999.
- Глинчикова А.Г.* Капитализм, социализм, постиндустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. № 9.
- Дискуссии о социализме в Польше // Системы советского типа в Восточной Европе. Осмысление опыта четырех десятилетий. М., 2000.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. UNDP. М., 1999.
- Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Роль государства в экономическом росте. М., 2003.
- Заславская Т.И.* Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.
- Заславская Т.И.* Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М., 2002.
- Капелюшников Р.И.* Институциональная природа переходных экономик: российский опыт // Кто и куда стремится вести Россию?... Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М., 2001.
- Келле В.Ж.* Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М., 1999.
- Корнаи Я.* От капитализма к социализму и обратно // ЭКО. 1999. № 11.
- Лапин Н.И.* Пути России. М., 2000.
- Медведев В.А.* О кризисе социализма и его интерпретаторах. Дихотомия "капитализм–социализм" безнадежно устарела // Постперестроечная Россия: проблемы и перспективы. Часть 1. Вопросы теории. М., 1999.
- Модернизационный вызов современности и альтернатива России // Мир России. 2001. № 4.
- Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества? М., 1999.
- Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. № 2.
- Попова И.М., Куняевский М.А.* Запаздывающая модернизация: сравнительный анализ России и Украины // Социологический журнал. 1997. № 3.
- Рывкина Р.В., Косалс Т.Я.* Шесть этапов развития постсоветского капитализма // Социология перехода к рынку в России. М., 1998.
- Солнцева Б.Г., Смолян Г.Л.* Человеческий потенциал: размышления о смысле понятия // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М., 1999.
- Ядов А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия?... Власть, общество, личность. М., 2000.